

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Черняков

ИСПОВЕДЬ СВИДЕТЕЛЯ

Записки советника в
отставке

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРНЯКОВ
ИГОРЬ ЛУКИЧ ЧЕРНЯКОВ
Исповедь свидетеля. Записки
советника в отставке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33847038

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-08850-4

Аннотация

Я не был сторонним свидетелем лихих девяностых в России. Активно участвовал в оппозиционном режиму Ельцина политической деятельности, после поражения оппозиции стал миссионером ОБСЕ и ООН в Таджикистане и сербском Косово. Мое прошлое – в непростой судьбе моих родителей, крестьян, сосланных в тридцатые годы в Сибирь. Решительно изменил свою судьбу в 20 лет. Отслужил года в спецназе ВДВ, закончил МГИМО МИД, стал карьерным дипломатом. В оформлении обложки – фотография из личного архива автора – шефа департамента Миссии ООН в Косово. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть I	9
О жизни предков и нашей	9
Родословная	12
Родственники. Кулацкое счастье	15
Из Сибири в Белоруссию	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Черняков

Свидетель

...Ибо Бог уже давно предрешил твои деяния...
Дал тебе Он под солнцем все твои тщетные дни,
И это – твоя доля в жизни и в трудах твоих,
Над которыми ты усердствуешь под солнцем».
Екклесиаст

Апрель 1972 года. Рио де Жанейро. Впервые поднявшись на вершину горы Корковаду к монументу Иисуса Искупителя, неожиданно для себя я физически ощутил благодатный восторг от случившегося поклонения Господу в небес-

ной вышине и от осознания того, что все в моей жизни – от Бога и по воле Его.

Так случилось, что стал я одним из тех немногих, кто однажды и на всю жизнь выбрал путь странника, кто идет по жизни скорее по воле Провидения, но никогда – из боязливого стремления удержаться в привычной для большинства колее.

Жизнь моя изменилась, можно сказать, неожиданно. Мне исполнилось тогда уже 20 лет. С дипломом учителя музыки работал в районной школе. С приличной зарплатой, если считать с приработками в местном доме культуры. Два года уклонялся от службы в армии, и не собирался служить.

Мое вполне благополучное существование устойчиво выстраивалось на совершенно стабильную перспективу дальнейшей жизни – насквозь, до старости просматривалось жуткое однообразие и пугающая бесперспективность существования.

И восстал дух мой, и сердце мое и разум мой против такой предрешённой судьбы моей, как сказал бы кто-нибудь из далеких предков на православной Руси. А по-нашему – созрел юноша чтобы понять, что значит попасть в кабалу сложившихся обстоятельств. И восстал.

И накатила лавина перемен. Я сам обрушил её. А вслед за этим...

Один за другим последовали, как взрывы, повороты судь-

бы. Некоторым сопутствовало настоящее чудо, другие требовали риска, да что там – мужества, когда приходилось по-наполеоновски решаться: «главное ввязаться в драку, а там посмотрим» ...

Но как понесло! Служба с армии открыла путевку в Московский институт международных отношений. Дальше – МИД СССР, посольство в Бразилии, посольство в Анголе, Дипломатическая академия, снова Африка, потом служба в миссиях ОБСЕ, ООН, головкружительные командировки в Париж, Брюссель, Мадрид, Токио, Сеул...

Вернувшись в Москву в начале 90-х отчаянно вмешался в борьбу политиков за «демократическую перестройку» на стороне либералов во главе с Ельциным, однако совсем скоро оказался вместе с теми, кто на митингах и с оружием в руках боролись за свержение режима Ельцина.

Привел Господь и на Святую землю. В Иерусалиме молился в храме Гроба Господня, в Вифлееме – в храме Рождества Господня освятил свой нательный крест на серебряной звезде рождества Святого Младенца.

В трудное время, по молитвам к Матери Божией оказался в её уделе – на Святой горе Афон. Причем, чудесно быстро, за неделю были оформлены и паспорт Константинопольского патриархата (Диамонтирион) для въезда на Афон и приглашение тамошнего монастыря Ватопед. Паломничал по монастырям, молился.

Можно считать, представился.

Честь имею. Владимир Черняков, советник МИД России
в отставке.

Часть I

О жизни предков и нашей

Вообще-то, записки о прожитом я собирался составить скромно, по-

семейному, для сыновей, внуков, остальной родни из Черняковых и близких

друзей. Это потом уже, по ходу описания крутых виражах моего бытия,

пришла мысль, что без политики повествование мое теряет важную

смысловую часть.

Показалось правильным попытаться записать воспоминания еще и о моем хождении в политику, и мои давешние тяжелые раздумьях о переменах, которые настигли Россию и всех нас в те окаянные девяностые годы прошлого века.

Начну, пожалуй, с грустных рассуждений о предках. Однобоко как-то, неправильно складывается в этом плане жизнь у большинства людей, из числа которых я вышел. У простолюдинов.

В том смысле, что «благородные» из поколения в поко-

ление накапливали и сохраняли в семьях духовную потребность помнить и вспоминать предков, чтить память о них, учить детей этому уважению, веруя в то, что и о себе каждый обязан оставить какие-то жизненные вехи, по которым и его помянут после ухода в мир иной.

А простолюдину всё не до того, как-то. Жизнь проходит в суете каждодневных трудов и забот ради выживания. Может оттого и не достаёт времени, чтобы остановиться однажды от налетевших воспоминаний, задуматься о пережитом за день, вспомнить что-то из прошедших дней, да и из далекого прошлого попытаться вызвать что-то, что душа попросит, замерев однажды от бесконечности и непостижимой глубины звездного неба.

И не потому бездуховна зачастую его жизнь, что он, простолюдин, тупой и ленивый. Причина нашего беспамятства, мне кажется, скорее в вечно переживаемых народных бедствиях. Что в прошлом, двадцатом веке, что за последнее тысячелетие. Многолетние и жестокие войны, революции, годы унижений в нищенской бедности революционных, послевоенных и пост реформенных лет, гнетущего бесправия времен, когда в очередной раз власть имущие меняли систему правления в стране.

В старину несколько иначе было. Народ православный научен был почитать закон Божий и память о предках. Но потом, после революции 1917-го года, большевики долго и настойчиво выбивали из его памяти и предков, и историю

прошлого. Заставляли жить «с чистого листа», начиная от «Великого Октября»: «мы наш, мы новый мир построим» ... Разрушали старое, строили новое. Особенно усердствовал в этом деле «спецназ» атеистов – известный «Союз воинствующих безбожников» во главе с Емельяном Ярославским. Рушили храмы, всячески старались вытравить из русского мужика веру в Бога, а вместе с ней и память о предках, об их обычаях и нравах.

Почитай четыре поколения россиян строили новое общество без Бога, без памяти о прошлом, без почитания предков и их духовных традиций. Семьдесят лет после октября семнадцатого года, после страшных жертв в гражданской войне в народе копилось и становилось наследственным боязливое равнодушие к переменам сегодняшним и грядущим, к недавнему и далекому прошлому.

Не все, конечно, такими стали. Но большинство, по меньшей мере три поколения простолюдинов, вроде моих родственников и близких. Среди них никого сегодня не осталось, кто помнил бы предков дальше деда.

Родословная

Корни мои – из абсолютно селянского рода Черняковых (Чарняки', зовут нас по-белорусски). Лет 200 жили они в небольшой деревеньке Трасное, среди белорусских болот между Оршей и Могилевом. Само название – от слова трясина. Вокруг деревни – заболоченные леса. Что это такое, запомнил я однажды на всю жизнь. Случилось заблудиться осенними сумерками в том лесу. На болоте. Долго, прыгая с кочки на кочку, а где и ползком, чудом выбрался на сухое. А ведь мог и утонуть, и никто не нашел бы. Мне тогда надо было успеть до ночи пробежать где-то километров двенадцать от дороги Могилев – Орша до Трасного. К дядьке Федору, за самогонкой, которую он наварил к моим проводам в армию. Было это в ноябре 1963 года.

Среди предков моих двое, по меньшей мере, выделяются как люди деловые и чрезвычайно решительные. В смысле волевые, умные – знавшие какую дорогу они выбрали по жизни, трудами своими умевшие зарабатывать много больше других, потому что привычно им было работать больше других. На чужое не зарились, своего без нужды не отдавали. Жили честно перед людьми и кротко перед Богом.

Первый – это прадед, Василь Чарняк. Он был единственным в округе крепостным, кто еще в середине 19-го века, по-

сле освобождения крепостных крестьян выкупил у помещика большой земельный надел. Поставил потом крепкое хозяйство и оставил сыну Харитону уже больше 20 гектар земли, мельницу, скот...

Второй – дед, Харитон Васильевич, тоже знал, что делал. Солидным хозяином на своей земле стал. Семья уже вполне обеспечено жила. Сделал дед аж 12 детей. Не все выжили, но опора солидная была – пятеро сыновей и три дочки.

Когда деда, как кулака, сослали вместе с семьей в Сибирь, он пару лет пожил там, а потом сбежал назад, домой. К своей земле. Добрался до Трасного, стал жить в своем доме. В лесу не прятался, никуда не бежал. Спокойно встретил гэбэшников, которые вскоре, по доносу кого-то из соседей, пришли за ним. Увезли. Навсегда. Последний раз его кто-то из земляков видел в оршанской тюрьме.

Хочется верить, что и я унаследовал от своих предков эти добрые качества – способность терпеливо добиваться своего, решительность до грани риска в делах, умение трудиться с душой, христианскую кротость.

А начальное воспитание получил самое простое. Подражая родителям и близким в отношениях к людям и житейским проблемам.

В послевоенной Белоруссии рос робкий парнишка, закомплексованный бедностью в семье и наследственной застенчивостью. О чем-то высоком для себя даже мечтать не думал. Верил в Бога, крещен был, но даже молиться не умел,

некому научить было, а книг богословских в те времена просто не было.

В Бога мои Черняковы, запуганные «воинствующими безбожниками» советской власти, верили тайком, вроде бы стесняясь показывать на людях свою веру в Христа. Самым грамотным православным среди братьев, как я хорошо помню, был мой отец.

Крестили меня где-то лет в десять, вместе с братом Толей и двоюродными братьями Вовкой и Борисом, и сестрой Аллой. В Могилеве, уже после нашего возвращения из сибирской ссылки. В Крестовоздвиженской церкви, что у речки Дубровенки над Быховским рынком.

Позже, родная сестра отца моего, тётя Настя, в Орше водила меня несколько раз в храм, (“у цэркву хадзили”, как красиво это говорят по-белорусски). Что-то рассказывала о Боге и вере. Вот и всё мое церковное воспитание. «Отче наш» и Символ веры выучил уже будучи взрослым, много лет спустя.

Евангелие на русском языке я впервые в жизни взял в руки в марте 1973 года. В далеком бразильском городе Порту-Алегре тамошний православный священник из русских эмигрантов подарил мне, тогдашнему советскому консулу, прекрасное брюссельское издание Нового Завета. И сейчас эта библия со мной.

Родственники. Кулацкое счастье

Дед мой, Харитон Васильевич Черняков, как и многие в то злое время, попал в годы коллективизации в кулацкую ссылку. Из деревни Трасное выслали, практически, со всей семьей – прямиком в Сибирь, в тайгу, на поселение.

Как сейчас известно, происходило это всё вот каким образом. В конце января 1930 года, через 13 лет после революции, вышло специальное постановление Центрального комитета ВКП(б) (кто не знает – Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). «По крестьянству в стране». Было принято решение ликвидировать богатых крестьян (кулачество) как общественный класс. На всей территории СССР.

Постановления ЦК тогда приравнивались к законам. Документ этот ни в какое сравнение нельзя ставить с законами, которые сегодня сотнями за каждую сессию штампует российская Государственная Дума. Сталин к тому времени уже отладил государственную машину Союза. Работала как новая мельница на хорошей речке. Законы и постановления ЦК исполнялись категорически – «от и до. Боялись совчиновники. Было кого и чего бояться.

Так вот, по поводу раскулачивания. После постановления ЦК партии, началась по всей земле советской так называемая

мая работа на местах. Сильно старались отличиться чиновники. В большинстве своем это были ребята из бедноты. Малограмотные, но ретивые, очень даже желавшие пробиться куда-нибудь наверх. Выселяли они не столько по злобе, сколько из усердия – всех подряд, кто мало-мальски побогаче был, зажиточных селян, другими словами.

По официальной советской статистике, всего два с небольшим процента крестьян относилось тогда к кулацким хозяйствам. А на деле, во многих районах, в том числе и в Белоруссии, раскулаченными оказались до 10–15 % населения (!). Ситуация местами смахивала на анекдот. Раскулачивание проводилось даже там, где оно не планировалось: например, в Северном крае, в том числе среди малых народов Севера (чукча-кулак!?). Потребовалось отдельное постановление ЦК чтобы остановить особо ретивых холуев.

Занимались раскулачиванием так называемые особо уполномоченные райисполкомов, совместно с ОГПУ (тогдашнее КГБ-ФСБ) и деревенскими комитетами бедноты. Самых раскулачиваемых поделили на три категории. Первая, самая враждебная – «контрреволюционный актив». Этим сажали без суда в концлагеря и даже расстреливали. Членов их семей могли отправить на спецпоселение, но могли и оставить дома. Вторая категория – «остальные элементы кулацкого актива, богатые кулаки и полу помещики». Их выселяли в отдаленные местности СССР или отдаленные районы тех областей, где они проживали. Некоторых кулаков тре-

твей категории оставляли и в пределах своих районов. Их сселяли в поселки на землях за пределами колхозных. Само-собой, у ссыльных всех трех категорий конфисковалась большая часть их имущества и денежных накоплений.

С февраля 1931 года по всему Советскому Союзу прокатилась еще одна волна раскулачивания. В результате этой акции только с территории Белоруссии было выслано в районы Сибири свыше 60 тысяч крестьян. Всего, по данным ведомственной статистики ОГПУ-НКВД, по стране в 1930–1931 годах было раскулачено 569,3 тысяч хозяйств, из них в отдаленные районы отправлено 381 тысяча, в том числе из Белоруссии – больше 15 тысяч семей.

Были и разнарядки: по первой категории указано было депортировать по всему Союзу 60 тыс. семей кулаков, по второй – 150 тыс. Общее количество намеченных к депортации составляло 245 тысяч крестьянских семей. Если подушно считать – больше миллиона человек было сослано.

В Белоруссии раскулачивание началось в марте 1930 года. Предков моих раскулачили и сослали, похоже, обоснованно, по тогдашним меркам. Попали они во вторую категорию. Тут им, можно сказать, повезло. К маю того года из Белоруссии выслано было около пяти тысяч семей на Север; четыре с половиной тысячи – на Урал и только 183 семьи (1787 человек) – на Дальний Восток. Вот среди последних и поехали в дальние края Чарняки-кулаки.

Деда моего Харитон с женой Ефросиньей и сыновьями

Марком, Лукой, Петром и Николаем привезли «на поселение» в таежный край неподалеку от транссибирской железной дороги за Байкалом. Называются эти места: Тыгдинский район Амурской области.

Интересно, что старшего из сыновей, Тихона не тронули. Не сослали, не репрессировали. Он к тому времени выучился на фельдшера и служил в Красной Армии. Не попали под высылку и мои родные тетки – Варвара, Анастасия и Ольга. Скорее всего потому, что успели выйти замуж, а мужья небогатые попались. Они без лишних проблем продолжали жить в Белоруссии, не хуже других, вроде бы. Варвара с мужем Зиновием, Ольга со Степаном оставались с семьями в Трасном, а Настя с мужем Дмитрием перебрались в Оршу.

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн – духовный отец русского патриотического движения в последние десятилетия двадцатого века, рассматривал весь период с момента революции и до начала Великой отечественной войны как «агрессивно русоненавистнический». Как он категорически утверждал, «большевицкая верхушка прекрасно понимала, что только насилие может обеспечить ей политическое будущее. Правительство советский России уничтожало и рабочих, и крестьян, и казаков также, как буржуазный класс населения. Целью ставилось уничтожение оплота христианской культуры. От ста тысяч дореволюционных священников уже к 1919 году в России осталось всего сорок тысяч. В 1932 году была объявлена «безбожная пяти-

летка». К 1936 году планировалось закрыть последнюю церковь, а к 1937-му добиться того, чтобы имя Божье в России вообще перестало упоминаться.

Страшное потрясение новой мировой войны в очередной раз изменило судьбу России. Великая отечественная война со всей остротой поставила вопрос о физическом выживании народа и существовании государства. На этом переломном этапе произошел настоящий переворот в национально-патриотической политике советского руководства.

Надо отдать должное Сталину— идеологическую работу в массах он повсеместно, резко и принципиально изменил, придавая ей несомненно национал-патриотические черты. При этом пересмотр осуществлялся решительно во всех областях: от культурно-исторической до религиозной.

* * *

И здесь снова о переселенцах и заключенных. Зачем их столько понадобилось Сталину, советской власти?

Экономика. Как говорят у американцев: ничего личного — только бизнес. В двадцатые-тридцатые годы в СССР активными темпами создавались тысячи новые промышленные объекты. Значительную часть рабочей силы составляли сотни тысяч заключенных и принудительные переселенцы, которые, помимо всего прочего, должны были осваивать огромные территории незаселенных земель на севере и востоке России.

И везли эшелоны тысячи и тысячи крестьян с Запада на

Восток и Северо-Восток огромной страны. Среди них и оказались мои предки.

Расселяли кулаков небольшими поселками под управлением комендантов. В официальных бумагах называли их спецпереселенцами, а позже – спец поселенцами.

Наших расселили в поселках двух лесопунктов. У большой сибирской реки Зея. Местное население в тех местах занималось в основном лесоразработками, охотой, оленеводством, золотодобычей. Сельское хозяйство там можно вести только в узкой полосе правобережья Зеи. Лесопункты в этих краях были чем-то вроде административно-промышленных центров районного масштаба. Кроме лесопилок и складов леса там находились и больницы, и школы, и магазины вместе с другими снабженческими организациями. Даже что-то вроде клубов открывали для работяг и поселенцев. А ближайшим центром связи с большой землей для наших была железнодорожная станция на транссибирской магистрали Сковородино.

Сегодня она знаменита тем, что через неё проходит российско-китайский нефтепровод, и в 2010 году именно там построили мощную перекачивающую станцию. Понятно, и народу в этих местах заметно прибавилось, рабочих мест стало больше.

На лесоповале братья Черняковы недолго, кажется, трудились. Через какое-то время Лука и Марк оказались на железнодорожной станции Магдагачи (в этом же, Тыгдинском

районе, недалеко от Сковородино). Нашли они там работу себе, устроились с жильем. Лука вообще председателем колхоза какое-то время работал. Дед Харитон с бабушкой Ефросиньей жили в доме у них.

А Петр вообще за сотни километров уехал, в город Читу. Выучился на шофера, устроился там на работу, женился.

Отца моего взяли работать заведующим магазином ОРСа (так называлась организация по снабжению). Магазин находился там же, в тайге, на 4-м лесопункте.

Мои отец и мама

1942 год. Дальний Восток

Где-то в 1940 году на танцах в рабочем клубе Николай Черняков познакомился с Любой Сауцкой, дочкой ссыльно-го поляка Иллариона. Младше отца она была. На 10 лет.

Сауцкие попали в Сибирь раньше, еще при царе. Похоже, после польского восстания 1863 года. Жили они восточнее, под Благовещенском, как мама рассказывала. Деда Иллариона Сауцкого в семье Черняковых никто не знал, никогда не видели. Про новую родню мало что знали.

Трудно понять, почему не сложились отношения между ними. Братья Черняковы дружно жили между собой, много друзей у них было там, на Дальнем Востоке, а вот с Сауцкими не сложилось. Помню, мама говорила, из-за того, что отец её суровым и своенравным мужиком был, не соглашался на её замужество с Николаем Черняковым. Скорее всего католик он был поэтому и не хотел дочь за православного отдавать.

Бабушка по матери была русская. Однако, даже имени её я сегодня не помню. Мама редко вспоминала в разговорах свою семью. В те наши края попала она, приехав учиться на медсестру в медучилище в Сковородино. Вышло замуж,

вросла в семью Черняков, дети пошли... Домой, к Сауцким так и не ездила. Кажется, Не помню, не рассказывала. А после и вовсе уехали мы в Белоруссию. Следом, лет 20 спустя приехала, откуда-то с Сахалина в Могилев мамина родная сестра Валентина с маленькой дочкой Ириной. Связей с родителями они так и не восстановили.

Так вот и складываются судьбы людские. Кого тут винить? Советскую власть или деда Сауцкого?

Вот Черняковы мои крепко друг за дружку держались, помогали в трудную минуту, семьями близки были. Хотя, надо сказать, жизнь заставляла их поступать иногда не так, как совесть велела. Когда деда Харитона забрали гэбэшники, потерялась родня его, не осмелились разыскивать, узнавать где он и что с ним. И мои, после возвращения в Белоруссию не посмели узнать хоть что-то о судьбе его. Боялись. Да что там говорить, я сам только в 2012 году решился, наконец. Были мы с братом Игорем в могилевском областном Комитете государственной безопасности Белоруссии. Сделали запрос про деда Харитоне. Безрезультатно.

* * *

С января 1935 г. жизнь бывших кулаков-переселенцев начала потихоньку меняться к лучшему. Их восстановили в избирательных правах, приравняв к другим гражданам СССР. Были сняты ограничения в выборе профессий, и они уже не обязаны были становиться на учет по трудоустройству,

т. е. на том же лесоповале, в рудниках, на стройках.

Быт переселенцев мало-по-малу налаживаться стал. Уполномоченный НКВД по Хабаровской области, например, писал в докладной записке наркому внутренних дел Н. Ежову: «Некоторая часть труд поселенцев пошла по пути хозяйственного кулацкого роста. Например, в Обнорском районе Хабаровской области (это неподалеку от тех мест, где мои Черняковы находились) 64 хозяйства трудпоселенцев имеют по 3–5 коров, по 1 лошади, 2–3 свиньи, 2–3 головы молодняка. Имеют оружие, занимаются охотой».

Вот же скотская система власти была. Снова в черные списки попадали люди, умеющие с душой, хорошо трудиться на себя, стремясь устроить жизнь лучше.

Помаленьку-потихоньку обживались и мои Черняковы. Зарабатывали и копили деньги (на возвращение, да и тратить там не было особенно где). Подсобным хозяйством обзаводились (коровы, поросята, куры и пр.)

А вот дед мой с самого начала затосковал по родным местам. Не выдержал, сбежал, не дожидаясь послаблений от власти. Кстати, по всему видно, контроль за переселенцами не такой уж строгий был. Это ж надо! Полуграмотный мужик-белорус, до того за всю жизнь ни разу не бывавший нигде дальше близлежащих уездных городков в Белоруссии, поездом добрался через весь Союз из Сибири до белорусской деревни Трасное. Где-то около 8 тыс. километров. Через Москву на Оршу, потом пешком. Не прятался, жил в сво-

ем доме, начал на своей земле что-то по хозяйству соображать.

Пришли гэбэшники, арестовали, увезли. Навсегда. Никто, ничего до сих пор толком знает о его дальнейшей судьбе.

Царствие небесное тебе, раб божий Харитон. Только и остается, что поминать, когда в храм ходишь, в молебных записках об упокоении усопших и убиенных.

Таких как Харитон Черняков, оказывается, немало было. Благо бежать из трудпоселка было несравненно легче, чем из тюрьмы или лагеря. С 1932 по 1940 гг. из кулацкой ссылки бежали около 630 тысяч человека. Треть из них были возвращены из бегов. Многие, как мой дед Харитон, пропали потом по тюрьмам или лагерям. Многим бывшим кулакам, восстановленным в избирательных правах, местные власти позже начали разрешать выезд из мест поселения. Жаль, Харитон Васильевич не дождался той поры.

Из Сибири в Белоруссию

Родился я в самом буквальном смысле в тайге. В поселке под названием Четвертый лесопункт. На берегу реки Зeya. Километров триста к востоку от Байкала по железной дороге и потом от станции Сквородино еще около ста км на северо-запад.

Воспоминания из детства. Они иногда всплывают в памяти как короткие видеоклипы: ... зима, лунная морозная ночь, я с отцом еду на санях в больницу к маме. Она второго сына рождает (значит мне было три с половиной года). Тепло и уютно мне, завернутому в тулуп. Тихо скрипят полозья, красиво вокруг, еловые лапы нависают с обеих сторон дороги. Запомнился совершенно огромный (в детских глазах) трактор на фоне светлого от луны неба.

Еще: ... лето, сидим на лугу, и мама кормит нас свежей земляникой с молоком; ... летом на озере, с какого-то деревянного помоста ловлю рыбу в озере на голый крючок, точно помню, что поймал одну; ... в какой-то летний праздник (много народу кругом) иду с отцом и мамой по дороге вдоль большой какой-то реки (Зeya, наверное).

После войны, где-то с 46-го года, ссыльных начали освобождать и мои Черняковы потянулись один за другим на родину, в Белоруссию. Первым, в начале 49-го года, уехал отец.

Разузнать что и как там, устраиваться на работу, жильём обзавестись. Вслед за ним, осенью того же года тронулись с обжитых таежных мест и остальные Чарняки, среди них и моя мама с двумя сынами.

Все вместе и ехали. Поездом. Много дней, через всю Россию. Вспоминаю, что в поезде впервые в жизни увидел кусок туалетного мыла, очень вкусно он пах, я по таежной дремучести и не подозревал, что эта штука для мытья, а не для еды. Ну, и откусил кусок. Весь вагон ржал.

Единственное воспоминание о первом посещении Москвы: бабушку мою, Фросю, дверью в вагоне метро прищемило. С Казанского на Белорусский вокзал перебирались, наверно. Ну, не на такси же нам, ссыльным возвращенцам, ехать было.

В Белоруссии братья Черняковы решили поселиться не в родной деревне, а в городе Могилеве. Начали строиться на окраине, в районе, который назывался Рабочий поселок. Отец мой сруб купил готовый, а достраивал потом с помощью братьев. Нанять плотников денег не было. Года полтора строились.

Ничего, добротнo получилось. Простой, небогатый, но уютный домик был, шесть на шесть метров. Разгороженные фанерными перегородками спальня, комната и кухня в которой стояла русская печь. На выходе пристроен был дощатый, достаточно вместительный коридор, в нем под землей – погреб. Все по-людски, не хуже, чем у большинства соседей.

Временно, пока отец достраивал дом, квартировали мы

(года полтора-два, пожалуй) в пригородной деревне Тишовка, где до этого, давно уже обосновался самый старший брат, Тихон Черняков. Он, наверное, и сговорил братьев собраться на жительство всем вместе в Могилеве.

* * *

Могилев – моя малая родина, тянет она меня к себе, часто наезжаю туда хотя бы на два-три дня.

Разве можно Могилев сравнить с местом рождения в тайге на Дальнем Востоке? Моя сознательная жизнь, мои первые жизненные опыты, детство и юность – всё начиналось и состоялось там. Мои первые друзья, первая любовь, смерть отца, родительские могилы на тишовском кладбище – всё это Могилев.

Он – один из древнейших городов Белоруссии. В 1267 году на холме у излучины Днепра при впадении в него речки Дубровенки был заложен замок, вокруг которой семь веков назад и начал формироваться город. Уже к концу 17 века он стал крупным торговым и ремесленным центром.

Интересный факт. Перед войной Могилев решено было сделать столицей БССР. Минск был под Польшей в то время. Срочно отстроили огромный по местным масштабам Дом Советов, здание НКВД Белоруссии, новые гостиницы, несколько многоэтажных домов. Жаль, но в 1939 году, после присоединения к Союзу Западной Белоруссии, идея переноса столицы из Минска в Могилев отпала.

О православных храмах Могилева. Это сегодня церкви в

городе можно пересчитать по пальцам одной руки. А всего сто лет назад в городе было 26 православных храмов, 6 католических костелов, одна лютеранская кирха и несколько синагог.

Самым большим в Могилеве был Богоявленский собор, располагавшийся неподалеку от теперешней Советской площади. Построен храм был в 1636 году. К сожалению, сегодня в Могилеве уже мало что напоминает о соборе: он был взорван в середине 50-х годов. Однако, если возникнет желание представить себе каким он был, этот собор, нужно сходить в Подниколье, к Днепру в Свято-Никольский монастырь.

Стоящий на его территории храм является точной копией Богоявленского, только раза в три-четыре меньше. Свято-Никольскому монастырю повезло. Его пощадило время, и большевики не стали разрушать, просто закрыли. Храм долгое время простоял без куполов, дожди и мороз разрушали чудесные храмовые фрески.

Иконостас в храме без преувеличения – произведение искусства. Кстати, создавали эту красоту те же мастера, которые позже отделявали палаты Московского Кремля.

Построен храм в 1889 году. И возвращен могилевской епархии в 1989 году.

В 2008 году в Могилеве, на старой центральной площади была восстановлена городская ратуша, полуразрушенная во время Великой отечественной войны. А в июле 1957 могилевские власти приказали вообще взорвать остатки этого

здания, возведенного почти триста лет назад, в 1698 году.

Слава Богу, по указанию президента Белоруссии, «бацьки» Александра Грыгоровича Лукашенко (нашего земляка – он со шкловщины, Могилевской области) старинная городская ратуша была отстроена заново и сегодня снова украшает старую площадь. Там сегодня размещается ЗАГС и областной художественный музей. Напротив, в старинном здании, где в годы первой мировой войны был штаб Ставки Верховного главнокомандующего, на трех этажах расположился областной краеведческий музей. Много интересного собрано там. Стоит познакомиться.

Могилевский железнодорожный вокзал – тоже старое здание, с 1902 года. За свою столетнюю историю он практически не изменился, хотя и перенёс несколько ремонтов.

Трехсвятительский кафедральный собор – сегодня главный православный храм Могилева, памятник архитектуры начала XX века (1914). В храм можно войти с трех сторон. Три церковных предела названы в честь трех святителей – Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста.

В 1961–1989 гг. здесь размещался клуб завода «Строммашина». Летом 1961 года, в разгар хрущевской придури атеизма, я был одним из свидетелей порушения православного храма Трех Святителей.

Это было время, когда тогдашний первый секретарь ЦК КПСС, он же – хозяин СССР, Никита Хрущев совсем взбесился и приказал закрыть все православные храмы, вывести

под запрет всех священников, чтобы к наступлению коммунизма, который он обещал построить к 1980 году, «вся страна стала атеистической».

У нас, в Могилеве, тот приступ шизофренического атеизма случился где-то после обеда (нет, не ночью, не втихую устроили акт уничтожения, никого уже не боялись).

Я подошел к Советской площади, когда рабочие сносили пять храмовых маковок с крестами. Случайно оказался в то время в центре города. Не имел ни малейшего представления о том, что и почему происходит. Толпа таких же как я, тёмных и запуганных властью могилёвчан становилась все больше и больше. Люди собрались на улице Первомайская, рядом с храмом. Храм стоит сразу перед областным Домом Советов.

Никто даже не пытался протестовать. Зло, вполголоса переговаривались между собой, и только два-три десятка плачущих старушек громко голосили у ворот ограды храма, куда никому не разрешали войти. Не было ни усиленных нарядов милиции, ни солдат. Несколько дружинников и пара милиционеров лениво прохаживались вдоль улицы, заполняемой толпой. А толпа безмолвствовала. Напуганная и озлобленная. Так вот и жили мы в те времена.

В 1989 году храм вернули верующим. Я в нем впервые молился 11 июня 2010 год в день смерти отца, которому в том году исполнилось бы ровно 100 лет. Заказал панихиду об упокоении раба божьего Николая.

Красивый могилевский Драматический театр был построен еще в 1888 году. Без капитального ремонта он простоял более 100 лет. С 1915 года здесь почти постоянно бывал царь Николай II. Когда случилась февральская революция, а затем Октябрьская, в театре бывали Керенский, Колчак, Держинский, Брусилов. В 1953 году в Могилеве снова была создана постоянная театральная труппа, которая работает и по сей день. (Впервые в жизни там я смотрел театральную постановку «Гусарская баллада». Бог ты мой, как давно это было).

В 1985 году министерство культуры Белоруссии предложило разрушить театр, а на его месте построить новый. На защиту старого театра поднялось все население города. И театр почти на 15 лет закрыли на реконструкцию. Наконец, осенью 2000 года театр был снова открыт. Красивее стал, бесспорно.

* * *

В новом доме жила наша семья как-то спокойно и благополучно, несмотря на бедность. Порой еле-еле на нормальное питание хватало того, что зарабатывали отец с матерью. Деньги нужны были еще и на достройку дома, на покупку хоть какой-то мебели.

И всё равно, до сегодняшнего дня осталось чувство какой-то благодной стабильности жизни, спокойного какого-то благополучия. Мы просто не знали, и не могли знать, что бывает какая-то лучшая жизнь.

Нам всем хватало того, что доставалось от жизни. И мне, и брату Толе, и маме с отцом. И из родни никто не жаловался. Все, почему-то уверены были, что скоро будем жить легче и побогаче. Никто не знал, как лучше, но все были уверены, что жизнь скоро совсем наладится.

На участке вокруг дома у нас росли несколько уже взрослых яблонь, вишни, сливы. При нас они уже совсем выросли: летом вишню ели и варенье варили, осенью много яблок было, оставляли на зиму, к Новому году, хранили их в ящиках с опилками на чердаке. Ведь в магазинах ничего из фруктов не было почему-то. Кроме, разве что, фруктовых компотов и соков в трехлитровых банках. А на рынок нам не по деньгам было ходить. Вот и берегли радость до новогоднего праздника. Даже, помню, на ёлку новогоднюю вешали яблоки как украшение.

Между деревьями везде картошку сажали. Хватало своей картошечки на пропитание до следующего урожая. Старательно рассчитывали, помню.

Отец работал в тишовском сельском магазине, мама – медсестрой в детском садике неподалеку от дома.

Обязательно, каждый год держали поросенка. До осени. Потом забивали, и добротная добавка к питанию помогала житьствовать практически целую зиму. Солонину делали. В деревянных кадушках. И сало, и мясо. По нынешним временам народ уже не помнит, не знает, что такое питаться со-

лониной. Да не каждый день, а экономно – раз или два в неделю. И по праздникам, конечно.

Только-только обживаться начали, как отца посадили в тюрьму. За растрату и недостачу в магазине. Никто не мог поверить, что Николай Черняков воровал или отчитывался в бухгалтерии с обманом. Он и мои дядя, вообще, с рождения, по воспитанию отличались и всегда были известны порядочностью. А отец мой больше всех выделялся скромной честностью, простотой.

Как потом оказалось, этим и воспользовались его бывшие начальники по сельпо. Списывали какие-то товары, что-то крали, а когда попались, свалили все на отца моего. Уговорили его взять вину на себя, обещали семье помогать пока он сидеть будет. Отец получил лагерный срок, а та сволота про нас и не думала вспоминать. Ох и голодно же перебивались мы без отца.

Где-то в 1953 году, кажется, осудили его. В лагере портяжничал, отличился трудолюбием и дисциплиной, года через два с небольшим выпустили. Мать за эти пару лет здорово измучилась с нами. Два здоровых пацана, младший брат Толя в школу уже пошел. Кормить, одевать надо было. А зарплата – мизерная. Помню лакомство наше – ломоть черного хлеба польешь постным маслом, солью посыпишь... Когда была мука – праздник, можно было на том же постном масле блинов напечь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.